

Надежда Николаевна Чибунова

...Наша семья была многодетной: мы с братом постарше и еще две младшие сестренки. Папа – Николай Федорович Чибунов – сначала работал старшим счетоводом коммунального отдела Южского хлопчатобумажного комбината, затем перешел на должность бухгалтера в Южский районный отдел здравоохранения, позже его назначили распорядителем кредитов строительства родильного отделения. После увольнения в связи с призывом в Красную Армию на учебные сборы и возвращения со сборов он вернулся на родину в текстильное предприятие помощником мастера ватерного отдела. Мама Капитолина Степановна - в девичестве Курепина - работала в няньках.

... О начале войны наша семья узнала по радио – у нас был черный репродуктор в виде тарелки. Именно в этот день мне исполнилось пять лет. Естественно, я не знала, что такое война. Постепенно стала понимать... Это голод, холод и страх. В моей детской памяти остались все эти ощущения. Почему-то до сих пор кажется, что в те годы не было лета. Все время вспоминали папу и верили изо всех детских силенок, что он обязательно вернется, и мы опять заживем хорошо. Он воевал в звании старшины в 239-й стрелкой дивизии на Волховском фронте. Мы с нетерпением ждали писем с фронта. Они приходили редко, и каждое читали вслух со слезами на глазах всей семьей. Такие радостные минуты. Но он погиб в бою 12 февраля 1944 года при освобождении Батецкого района Новгородской области. Захоронен в Братской могиле в деревне Малые Торошковичи... Война принесла много горя в каждый дом, в каждую семью...

В моей детской памяти очень четко запечатлелось, что на наш город сбросили две бомбы. Одна, как говорили взрослые, упала в озеро Вазаль, рядом с прядильно-ткацкой фабрикой, а про другую не помню. Тогда я точно не понимала, что это такое, но по поведению людей чувствовала, что это что-то очень страшное.

Карточек нашей большой семье для пропитания не хватало. И маме с бабушкой – она работала в дизентерийном отделении в больнице – приходилось как-то решать эту проблему. Они часто ходили в ближайшие деревни и меняли постельное белье, посуду и даже мебель на молоко и другие продукты. К концу войны у нас дома не осталось ничего: вместо тарелок в ход пошли жестяные банки, спали на холодном полу, укрывались старыми пальто. Летом ходили в лес по грибы и ягоды и тоже меняли их на продукты или деньги. Сладостей никаких - вместо сахара сушеная свекла. Еда скудная - щи из крапивы и лебеды, немного хлеба. В поле копали гниющую

картошку, которая шла на оладьи. А ещё после обеда собирали хлебные крошки с пола...

С одеждой и обувью очень туго, особенно зимой. На всю семью одни валенки - бабушкины. И мы носили их по очереди. А ещё, как бы ни было трудно, бабушка не разрешила на что-либо менять швейную машинку. Шила нам на ней одежду.

Я - как самая старшая дочка - выполняла мамины поручения по дому, сидела с младшими сестренками. В годы войны в Южу эвакуировали детей из блокадного Ленинграда. Помню, что на выходные мама с бабушкой забирали одного такого мальчика домой. Он приходил к нам со своим сухим пайком, делился, и мы дружно играли вместе в догонялки...

О том, что закончилась, мы узнали опять же по радио. Все плакали, но от радости. Я думала, что наконец-то вернется папа. О его гибели узнала позже...